

Выдающийся ученый-энциклопедист, организатор науки и образования и общественный деятель Гамлет Исаханлы (Исаев) широко известен в Азербайджане и за его пределами и как талантливый поэт.

Неповторимость и непохожесть поэтического стиля, ясность мысли и логики, ювелирная отделка слова, напевность, органическая согласованность между ритмом и смыслом, между чувственностью и действительностью определяют художественную выразительность творчества Г. Исаханлы.

Тонкими красками рисует переплетение света и тени, печальную нежность, многоликую любовь, трагизм человеческого бытия, он предъявляет нравственные и эстетические ценности, проявляет оптимизм в поисках гармонии жизни. С мастерством изображает Г. Исаханлы внутренний мир человека в своей поэзии, где одинаково звучат лирика, тонкий психологизм, художественная мощь и философское осмысление жизни, и потому в его стихотворениях любой чуткий человек найдет и откроет себя, конечно, каждый по своему.

Искренность чувств и задушевность в сочетании с красотой и удивительной емкостью поэтических форм делает его также признанным мастером любовной лирики. Это, можно сказать - высшая математика лирики.

ГАМЛЕТ ИСАХАНЛЫ
КОНТРА **А** **СТЫ**

ISBN 5-94661-141-0

Изографъ

Гамлет Исаханлы

Контрасты

Книга стихотворений

В переводах Аллы Ахундовой

ИзографЪ
Москва 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Приглашение к странствию (<i>Людмила Лаврова</i>)	3
Стариннейшей вопрос	29
Контрасты	30
Быть один	32
Добро и зло	36
Где мы?	38
Между... ..	41
Прошлое	43
Разлука	44
Мак	46
Удача	47
Этот мир – непостижим!	48
Горожане из деревни	50
Две речки слились	52
Корни	54
Пока я думал	58
Время	61
Белое и чёрное	64
Как, хорошо, что... ..	66
На свете жить -что проще может быть?!	68
Облака детства	70
Желанной жизни	72
Жизненный путь	73
Вот если бы я мог тебя забыть	75
Я говорил слова	78
Место свиданий	80
Ландыш	82
Как я ошибся!	84
В иллюзорном мире	86
Озноб	87
Диалог	88

Любовь садовника	90
Девушка и ветер	92
Я просто очень вас люблю	94
Ты помнишь?	97
Ты – слишком далеко	99
Между нами охлаждение	100
Мечта	101
Прекрасно	102
О, если б я был пуговкой твоей	105
Он, твой любимый, молод был	106
На море птица	108
Блаженство	109

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1. Я привыкал к векам и каждой смене лет	113
2. А след в душе не зарастает, не стирается	114
3. Хвала, ты говоришь, сегодня входит в моду	115
4. Начало было, говоришь, – ну что ж, отлично!	116
5. Порой мне целый мир не кажется просторным	117
6. На что же я потратил столько сил?	118
7. Нет равенства. Не знаю о таком	119
8. Ни прочности ни в чём, ни постоянства!	120
9. Не видишь сути, не суди другого	121
10. Жизнь! Каждым твоим днём, минутой дорожу	122
11. Я шёл к своим, но не было своих	123
12. Уходит караван, в дорогу проводи	124
13. Творенье грешника – творение Творца	125
14. Попробуй, этот мир измерь, попробуй, взвесь!	126
15. Законник, грамотей, творец и разрушитель	127

Приглашение к странствию

Мир поэзии – «ковчег спасения» в бурном море окружающей человека материальной действительности. Той действительности, где разыгрывается вселенская драма противостояния горнего и дольного миров. Познание таинства этой драмы, в том числе и через творчество, через создание поэтических образов, есть знак восхождения души. В этом нелегком странствии только душа - Кормчий. Ведь человек, о чем писал средневековый исламский философ Ибн-Баджа, представляет собой «как бы посредующее звено между Вечностью и возникающими и исчезающими вещами». Подобное определение тем более применимо ко всякому настоящему поэту. Какие бы проблемы, житейские радости или невзгоды не волновали его в реальности вещной, конечной, брэнной, его поэтический слух настроен на ведомую лишь ему музыку нездешнего совершенства. Так, в гармонии земного и небесного происходит в стихах переход из мира возникновения и исчезновения, подлунного, мира потенциального и актуального бытия, в мир стихий Космоса, где душа становится вечной и в этом смысле – бессмертной.

Приобщаясь к поэзии, и читатель может вслед за поэтом пройти этот путь, испытать, пусть на мгновение, ощущение Вечности в тленном... А, значит, глубже оценить предназначение данной ему однажды в «дар случайный»

собственной жизни. Однако такое духовное странствие не бывает легким ни для художника, ни для того, кого он увлечет за собой. Чудо не дается даром, чудо творчества и его постижения - в том числе.

Гамлет Исаханлы, как и всякий истинный поэт, прозрачен и прост. Однако качества эти обманчивы, как обманывает нас близость облаков или каменистого дна в разливе тихой талой воды. Мнимая безмятежность знания вроде бы очевидных истин чревата столкновением с безднами роковых страстей, и это остро ощущает Исаханлы каждой клеткой образной ткани стихов, сочетая в своем даровании черты художника и философа. Еще Новалис писал: «Разобщение поэта и мыслителя – только видимость, и оно в ущерб обоим». Подобного ущерба лишена поэзия Исаханлы. Здесь он, прежде всего, продолжатель великих восточных философских традиций, корни которых простираются в древность. Лишь с учетом этого становится более понятным склад его творческого темперамента: ученый-математик Гамлет Исаханлы на новом витке времени воплощает в стихах путь своей души не столько в привычном эмоционально-лирическом ключе, сколько, в согласии с критериями творческой личности у аль-Фараби, в соединении с **деятельным разумом**, ибо «совершенство людей заключается в философствовании, в умении мыслить».

Известно, какую огромную роль сыграла исламская мысль в развитии математики, астрономии, которые в синкретичном подходе к познанию мироздания и человеческого бытия, приобретали характер почти священной магии. Но поэзия, наряду с музыкой, не та же ли магия? Откровение, нисходящее в сердце того, кто пытается постичь замысел сущего...

Вот почему представляется не случайным определение некоторых исследователей поэзии Гамлета Исаханлы – неосуфизм. Об этом, в частности, говорит Турадж Атабаки, историк и переводчик из Голландии. А немецкий филолог и переводчик Ганс Ахмед Шмиде тоже делает любопытное замечание: «читая Ваши стихи, я лишний раз убедился в том, что между математикой и поэзией есть весьма интересная взаимосвязь».

Действительно, покоящаяся на рациональных основаниях его мысль обретает в стройной, как уравнение, метафорической структуре стихов многомерность иных пространств, куда нет доступа обыденному, привыкшему к линейным схемам уму. К тому же вещный мир, вернее – его отсутствие, тщета вещей - лейтмотив книги «Контрасты».

Исаханлы, математику и художнику, судя по всему, не чужда одна из доминирующих идей средневековой арабо-исламской философии - идея эманации Множества из Единства и возвращения Множества в Единство, присутствия Единого во множественном. Трепет ощущения присутствия Единого в проявлениях природной и человеческой жизни, благоговение перед Божественным началом в мельчайших деталях земного бытия – основное настроение книги «Контрасты», но - не декларируемое... Громкая, плакатная манифестация чувств или «символов веры» вообще не свойственна Исаханлы. Это настроение угадывается в полутонах, в интонациях, в камерных сюжетах его лирики. Парадоксально вот что - название «Контрасты» как будто заявляет о некоей определенности эстетической и жизненной позиции автора, однако по мере чтения сборника ты понимаешь: поэт оставляет за читателем немалое поле возможностей собственного выбора. С самого первого стихотворения «Стариннейшей тоски стариннейший вопрос...» он предлагает не ответы – вопросы, увлекая энергией желания разобраться в сложных перипетиях человеческого существования. Человек – вместилище добра и зла, но на контрастах зиждется и то, что мы называем жизнью Вселенной, частью которой он является.

Исаханлы не боится вопросов, которые принято иногда называть «праздными» и даже банальными. Как ученый он прекрасно знает, что именно подобные вопросы рождают, зачастую, великие открытия или, во всяком случае, подводят к ним. Тогда как ухищрения циничных и искушенных умов, которые всему знают цену, но не имеют понятия о

ценности, способны создать лишь, по замечанию Александра Блока, «красивые завитки вокруг пустоты».

Уже по логике вопросов, задаваемых поэтом в упомянутом стихотворении, можно понять, что его творческий мир неотделим от острого нравственного чувства, чувства ответственности за свое призвание. Глобальный «стариннейший» вопрос «зачем живу?» влечет за собой важное личностное, конкретное уточнение – «что в этот мир принес?» и далее получает следующее развитие: «И что останется от всех моих стараний?..», а если все же останется, «если взойдет посеянное мною, как выдержат удары бурь проростки?». Но и не это главное для поэта, финальный вопрос подводит читателя к кульминации замысла этого небольшого, но ключевого для всей книги стихотворения: «И если устоят, **какой ценой?**».

Не правда ли, не столь часто в современной жизни, «засеянной» вопросами, можно услышать подобный? А ведь от ответа на него зависит, наверное, главное: и индивидуальная судьба каждого, и, не побоимся обобщения, будущее всего человеческого сообщества. В конце концов, какой же ценой достигаются счастье, успех, благополучие, мир? У Гамлета Исаханлы Цена – некий рубеж в поле представлений о личных и универсальных ценностях. И если уж переходить этот рубеж, то во имя чего? Собственно, ответ на этот, напрямую не прозвучавший, но подразумеваемый, заложенный в подтексте вопрос, и пронизывает книгу Исаханлы, полную лирических раздумий и сомнений, воспоминаний и мимолетных впечатлений, где Кормчий – его душа. И прежде, чем мы отправимся в пространства этой поэзии, коснемся, хотя бы коротко, биографии автора.

* * *

Один из великих русских поэтов начала XX века, отвечая как-то на журнальную анкету биографического свойства, лишь сухо перечислил основные вехи своего жизненного пути, однако добавил в конце многозначную фразу: «Остальное – в моих стихах». Наверное, так может

сказать о себе всякий художник. Думаю, и Гамлет Исаханлы в этом плане не исключение. И все же многое не случайно, а взаимосвязано в биографии Исаханлы поэта и человека. Прежде всего, такие черты, проявляющиеся как на ученом поприще, так и в поэтическом творчестве: стремление к совершенству и колоссальная работоспособность. Ведь это миф, что поэт пишет стихи с той же спонтанной легкостью, будто птичка поет. Да и кто спрашивал у птиц: каково им петь?

Гамлет Исаев (Исаханлы – псевдоним, используемый в поэтическом творчестве, а также в исследованиях, проводимых в области гуманитарных и социальных наук) Абдулла оглы родился 1 марта 1948г. в селе Косалы Гардабанского района Грузии. И вот этот мальчишка из деревенского захолустья сначала оканчивает школу с золотой медалью, а затем в 1970 году – с отличием механико-математический факультет Азгосуниверситета (ныне Бакинский Государственный Университет).

Желание более углубленно заняться научной деятельностью приводит Г. Исаева в аспирантуру одного из лучших в мире высших учебных заведений - Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова. И в 1973 году он защищает кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук.

В 1973-1988 годах Гамлет Исаев уже ведет самостоятельные исследования в механико-математическом Институте АН Азербайджана, Московском Университете им. М.В. Ломоносова, в математическом Институте им. Стеклова АН СССР, пишет фундаментальные работы в различных областях математики.

В 1983 году в Институте математики им. Стеклова он успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора физико-математических наук. Впечатляющее достижение для молодого ученого!

Несмотря на войну и социально-политические потрясения, переживаемые республикой в 1990 -1991 годах, Г. Исаев по решению Каби-

нета Министров Азербайджана занимается большой организаторской работой по созданию нового высшего учебного заведения и основывает Университет Хазар, впоследствии получивший широкую известность в международных научных кругах. Этот университет, ректором которого становится Г.Исаев, ныне признанный очаг культуры, образования и науки.

Гамлет Исаев является автором множества статей, а также монографий и учебников по математике, социально-гуманитарным наукам, истории науки и образования, истории литературы, культуры и цивилизаций, теории и истории перевода. Кроме того, он успевает выступать с научными докладами во многих странах мира, а еще он - вдумчивый редактор ряда научных и научно-популярных журналов, сборников и монографий, учебников и словарей.

Людей подобного энциклопедического масштаба принято сравнивать с мастерами «эпохи Возрождения». Разносторонняя деятельность Гамлета Исаева (Исаханлы) получила признание и широкое отражение в художественных, публицистических и научных статьях и книгах различных авторов. На его стихи пишется музыка...

Профессор, доктор философских наук, заслуженный деятель науки Джамал Мустафаев, к примеру, так характеризует поэта: «Круг интересов Гамлета Исаханлы необычайно широк. *Он соединил в себе единство рационального мышления с духовной культурой.*

Он извлекает большую пользу из европейской, восточной, русской научной и художественной мысли. Это не отрывает его от своих корней, наоборот, обуславливает глубокое понимание нашей духовной сущности».

А народный поэт Залимхан Ягуб обращает внимание на следующее обстоятельство: «Имея громадный научный потенциал, воспевая поэзию в математике, Гамлет Исаханлы с достоинством выполняет и завещание великого поэта Физули: *«стихотворение без науки - как дом без фундамента».*

За выдающиеся успехи в сферах науки, образования и поэтического творчества Гамлет Исаев удостоен многих наград, избран членом известных международных организаций, в частности: лауреат премий им. Юсифа Мамедалиева (1994), с 1996 года по настоящее время Сопредседатель Совета Ректоров Азербайджанской Республики, член Совета Директоров Кавказского отделения Фонда Евразии (США) (1997-1999), член Правления Института Открытого Общества (фонд Сороса) - Азербайджан (1998-2002), с 2001 года - Президент Ассоциации частных университетов Азербайджана, действительный член Международной Академии Наук (2002), лауреат премии «Золотое перо» (2004) - за заслуги в поэтическом искусстве и публицистике, а за заслуги в развитии культуры и литературы Азербайджана - лауреат премии им. Самеда Вургуня (2005), действительный член Российской Академии педагогических и социальных наук (2005), член Комиссии по образованию при Президенте Азербайджанской Республики (2005) ...

Вышедшие в Азербайджане сборники стихов Гамлета Исаханлы «Контрасты» (Təzadlar – 2001г.) и «Это тоже жизнь» (Bu da bir həyatdı – 2004г.) переизданы в Тебризе (Иран) арабским шрифтом. Там же увидела свет ещё одна книга поэта – «Чувства ставшие стихами» (Şerə dönən duyğular – 2003г.). В Тбилиси на грузинском языке была представлена на суд читателей книга «Поэзия жизни» (Ситотхлис поэзия – 2004г.), заслужившая немалые симпатии любителей поэзии. Сегодня в печати находятся два его новых поэтических сборника.

Стихи Г. Исаханлы переведены также на русский, английский, турецкий и другие языки.

Сам Гамлет Исаханлы мастерски перевел с русского, английского и французского на азербайджанский произведения таких выдающихся художников слова, как В.А.Жуковский, Е.Баратынский, Ф.И.Тютчев, А.Фет, Н.Гумилев, А.Ахматова, С.Есенин, Дж.Г.Байрон, У.Блейк, Р.Геррик, Ж.Нерваль и др.

Палитра отзывов о творчестве Гамлета Исаханлы весьма многообразна, но вот какой факт не может не привлекать внимания: фигура поэта и его дела оцениваются в полном согласии с традиционным на Востоке подходом к достижениям человеческой личности. Для такого подхода мало бывает свидетельств успеха, да и вообще успех в его западном понимании, скорее, категория негативная. Там имеет значение (опять же в согласии с аль-Фараби!) *совершенство* художника, а оно заключается - в счастье, достижимом лишь через *знание и поведение*. Знание сущего и добродетельное поведение. В подтверждение этого вот, например, какое высказывание о поэте можно найти в книге «Что в этот мир принес я»: *«существуют личности, которые за свою жизнь проживают целую вереницу жизней, достигают славных успехов, становятся образцами подражания для окружающих, оставляют добрую память в их сердцах. К числу таких редких личностей относится профессор Гамлет Исаханлы, заслуживший искреннюю симпатию широкой общественности за высокие научные достижения, плодотворную просветительскую деятельность, вдохновенное поэтическое творчество и прекрасные человеческие качества».*

А теолог Азиз Пюнхан замечает: *«В произведениях Исаханлы можно проследить высочайшую культуру и нравственность, духовность и богатейший интеллект».*

Поэт Музаффар Шукур тоже делает акцент на человеческом обаянии художника: *«Я был приятно удивлён, скромностью и простотой Гамлета Исаханлы, присущим только ярким личностям. Это - проявление высокого интеллекта и морали. Его поэзия соединяет в себе европейский кругозор с восточной мудростью».* Эти наблюдения дополняет высказывание Юнуса Вахдети, ученого-филолога из Ирана: *«Стихи Гамлета, идущие от сердца, ласкают душу, возрождают человека; они душевны и прекрасны, красота их заключается в простоте».*

«Выражением вечного Слова» назвал поэзию Гамлета Исаханлы его соотечественник, писатель Мовлуд Сулейманлы.

И читатели в своих многочисленных письмах поэту отмечают, как величайшее достоинство, искренность и простоту его лирического высказывания в сочетании с глубиной мысли, с покоряющей гармонией его внутреннего мира.

«Ваши стихи прекрасны», сконцентрировав в емкой формуле определение творчества Исаханлы, написало автору Китайское центральное издательство переводов. Если учитывать нюансы китайского восприятия красоты, их понятие о прекрасном, имеющее тысячелетние философские корни, – такая оценка дорогого стоит.

Все это позволяет критикам в связи с творчеством Исаханлы говорить даже о появлении в современной азербайджанской поэзии «новых процессов», о «художественном новаторстве формы» в его стихах (как, например, Туран Метин, поэт и филолог из Турции).

Однако думается, муза Гамлета Исаханлы или то, что определяет качественное содержание его произведений, его идеал находится, как уже отмечалось, в истоках восточной философии мира и человека. Он никогда бы не мог повторить вслед за кумирами европейской мысли, к примеру, следующее: «Для новой философии сомнительно все. Элемент огня исчез, солнце потеряно, и земля, и никто не знает, где их искать».

Если понимать, что солнце в этих словах классика английской поэзии адекватно «формирующему свету» или «первоединству» неоплатоников, а земля воспринимается как центр и основание мира, то нет ничего более чуждого позиции Исаханлы-философа, чем подобное мировидение. Ведь когда исчезает солнце, как источник и смысл жизни, и земля, как ее основание, можно свято верить лишь в смерть и хаос, и неважно, в какие бездны, ада или рая, погружаться художнику в поисках ответа на мучающие человека и человечество вопросы. Для Исаханлы - важно... Недаром он пишет: «Что

просил бы у судьбы?.. Не даров. А хранить от порицаний, от сомнений, отрицаний, от пустых, тяжелых слов».

Когда поэт и переводчик Имир Маммедли, намекая на универсальный характер поэтического высказывания Исаханлы, пишет, что его творчество «в целом представляет собой букет добрых слов, возвышенных приветствий, адресованных человеку и всему человечеству», стоит, наверное, уточнить вот какой момент: не бывает такого универсализма, который бы не являлся маской, слепком автора. Все вплоть до логики служит ему поводом для создания своей поэтической автобиографии: его «я» заражает по-своему даже известные идеи, за каждой истиной обнаруживается его субъективный взгляд, его тоска преобразовывается в новые критерии, в единственную реальность. *Его реальность*. И эта неповторимая *единственность*, творческая индивидуальность только и может быть интересна широчайшим кругам разноязыких читателей... Каждый оригинальный поэт сгорает в собственном пламени и по отношению к общепринятым мнениям, к веяниям моды является своеобразным еретиком.

Если мы уж привели здесь мнение переводчика, необходимо сказать, что Гамлету Исаханлы необыкновенно повезло, что книгу «Контрасты» (избранные переводы из двух книг поэта – "Təzadlar" и "Bu da bir həyatdı") воссоздала на русском языке Алла Ахундова. Человек немалого культурного кругозора, сама тонкий поэт-лирик, Ахундова с огромным мастерством перенесла на язык Пушкина и Лермонтова все разнообразие и богатство таланта азербайджанского мастера. Ведь перевод – это всегда попытка разгадать судьбу поэта, явленную в слове, и Алле Ахундовой это удалось.

* * *

Когда читаешь поэта, всегда интересно, как рождаются его стихи? Что становится для него первотолчком, пробуждающим образные ассоциации, навевающим ритм и мелодику, возникающие прежде, чем выстроится в строки слова? Вспомним у Блока: «Приближается звук, и, покорна

шемящему звуку, холодеет душа...». Или у Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...». Даже по этим двум примерам можно понять, насколько по-разному «настроены» «органы чувств» у художников.

Представляется, что для Гамлета Исаханлы огромную роль в «настройке» его «органов чувств» играет память. Память - не только как человеческий, но и как культурный феномен. Та память, о которой говорит мудрец Ибн-Баджа в своем «Прощальном письме», когда речь идет о духовном, сердечном общении с ушедшими или далекими дорогами для творческой личности людьми. Общени, которое возможно благодаря постижению вечной Истины о бессмертии Духа, признанию великой гуманистической идеи – о единстве мира людей и возможности взаимопонимания в процессе познания *другого*.

Да, время многое «стирает в манускрипте памяти», говорит поэт, но «сердце с прошлым ни на миг не расстается».

Только память хранит совершенство духовных форм минувшего, запечатленных в праведных поступках и деяниях. Тем не менее, этот высокий настрой автора вовсе не означает, что он в своем творчестве удаляется в отвлеченные сферы. Привлекательность поэзии Исаханлы как раз и заключается в том, что он широко открывает дверь перед разнообразной и пестрой действительностью, но при этом никогда не упускает из виду свою главную творческую цель: воспитание высокой души, научение добру. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть такие яркие стихотворения, как «Добро и зло», «Где мы?», «Белое и черное», «Корни», среди которых выделяется трагической глубиной «Ты помнишь?». Лучшие произведения поэта воспринимаются как исповедь сердца, умного и гордого. Исповедь, обращенная и к самому себе, и к каждому из нас, которым надлежит пройти свой земной путь человека в самом полном смысле этого слова.

Зоркая память, воспоминание подвигли Гамлета Исаханлы к созданию, наверно, одного из самых пронзительных своих произведений «На море

птица». Кто-то из читателей написал по поводу этой удивительной миниатюры: *«Только истинный поэт способен увидеть слезы подбитой и гибнущей птицы».*

Однако стихотворение не исчерпывается запечатленной ситуацией. Оно рождает чувство более сложное, чем чувство печали. Поэт, который наделен даром «увидеть» и выразить в слове «мятый шелк» недотроги-мака или «смертельную желтизну» осеннего сада, написал здесь о хрупкости жизни вообще, о человеческой вине и ответственности за окружающий его мир природы, чью немоту люди, зачастую, неверно принимают за безгласие. Но для того и существуют поэты, «им внятно все»...

Своей поэзией Гамлет Исаханлы посылает читателю весть: нет другого способа не исчезнуть, не умирая, как сохранить в вашей жизни *небо...* Каждый из нас несет свое достоинство или свое ничтожество *внутри мироздания*, где и тонущая чайка, и глядящий в древние воды Босфора, едины...

ТАМЯЕПІ ІСАХАНЯЫ

Стариннейший вопрос

Стариннейшей тоски стариннейший вопрос:
Зачем живу? Что в этот мир принёс?
И что останется от всех моих стараний,
Потерь, приобретений, обещаний?
Что, неустанно, не переводя дыханья,
Я делал на Земле? Сплошные начинанья...
Ни одного законченного дела,
И не приелась жизнь, не надоела,
Хотя и дожил до седых волос
Навязчивой тоски навязчивый вопрос.

Но если и взойдёт посеянное мной,
Как выдержат удары бурь проростки?
И если устоят, какой ценой,
Надломленные, слабые подростки?
А верный путь прямым не назовёшь –
Сплошные тупики и перекрёстки.
Крик ликования сменяет грустный дождь
Чередованья равномерно жёстки.

Контрасты

Огонь и пепел, свет и мрак –
природные контрасты жизни.
Есть человечьи: друг и враг,
земля чужбины и отчизны.

Есть в залах царственных дворцов
молчанье и рукоплесканье,
Звучит в собранье мудрецов
за утвержденьем – отрицанье.

И если горе входит в дом –
есть скорбных плачей песнопенья,
А если счастье – мы поём
другую песнь, до упоенья.

Коварному всегда нужна
в чужом бокале капля яда,
А справедливому важна
одна любовь, одна награда.

Кто чтит насилье, как закон,
у тех топор, дубина, плаха...
Кто злу – живой заслон,
на том – неопалимая рубаха.

Жестокосердие – гранит,
не плавится и в адской топке,
А милосердие – хранит,
оно, как прочность в мягком шёлке.

С новопреставленным контраст –
есть в новорожденном ребёнке,
И связь – одна и та же бязь
идёт на саван и пелёнки.

А человек плох и хорош,
дитя и древний, первозданный;
В одной руке – кровавый нож,
в другой – цветок благоуханный.

Быть один

Я устаю
От шума городов,
А от людей
Давно бежать готов.
Осточертело мне
До отвращенья
Терпенье мудрое,
Миров круговращенье,
Обязанность любить,
Нисколько не любя...
Хочу бежать
Подальше от себя.

От самого себя,
Сидящего в собраниях,
На вызывающих зевоту
Заседаниях,
Где я почти всегда
Сижусь, молчу...
И слушать глупости чужие
Не хочу!

В мечтах:
Сейчас бы в лес,
Где снова жизнь воскресла,
Как вдруг
Какой-нибудь дурак,
Вскочив из кресла,
Окатит, из любви к тебе, а не со зла,
Волной пустых словес:
Хвала! Хвала! Хвала!
Очнусь и спрашиваю:
Почему я здесь?
Держу себя в руках.
Шайтан - учёный бес!
Его словарь - грамматики секрет.
Но в сказанном – сказуемого нет.
Нет существительных,
Глаголов настоящих,
Есть предложенья, но без подлежащих,
Зато из прилагательных блестящих,
Где превосходство – частая частица.
Местоимения от первого лица.
И прилагательные – лица, лица, лица.
И душит меня ненависть,
Как дым.
Хочу один остаться,
Быть один.

В заботах ежедневных,
Через край,
В обязанностях,
В толкотне на рынке,
В безумии: Давай! Давай! Давай!
В извечной беготне
Где рысью, а где вскачь...
Осточертели мне
И горький плач,
И ликованья возгласы,
И крики...
И праздники, и свадьбы,
И поминки...
И я мечтаю о простой
Тростинке,
Как срежу,
Сколько дырок проверчу,
И, сделав дудочку,
Сыграю, что хочу.

Глаза зажмуриваю,
Жду, когда смогу...
Клянусь, при первой же
Возможности сбегу!

Ты, одиночество,
Души уединенье,
Вершина высочайшая
Творенья...
Ты, красоты немислимой
Сусальность.
Мечтой взлелеянная
Милая реальность!

Добро и зло

Кто я? Чьи играю роли?
Я – должник или заложник?
Мир, тебе не всё равно ли,
Полководец я? Сапожник?

Жизни вечной подтверждение?
Смерти краткая отсрочка?
Или я – стихотворенья
Непрочитанная строчка?

Или я – кочевник? Кто я?
Все ответы - в сердце, в нём:
Я – всего лишь поле боя
Для борьбы добра со злом.

Как подгнившие деревья,
Злые мысли недоверья
Топором рубить готов...

И, найдя Симурга перья,
Если б мог их сжечь теперь я,
Попросил бы не даров,

А хранить от порицаний,
От сомнений, отрицаний,
От пустых, тяжёлых слов.

Где мы?

Мы просто люди. Мы из тех простых,
Трудолюбивых, честных и не злых,
Способных к жалости, достойных уваженья,
Мы те, кто выбрал истине служенье.
Но... как терзаемся, как к небесам взываем:
Где в этой жизни мы? – Вот этого не знаем.

Мы знаем, что не дети мы, давно.
Умеем пить лекарства и вино.
Сегодня огнедышащий Дракон
Нас не пугает, ведь из сказок он.
От страха перед ним не закричим.
И вымысел от правды отличим.

Мы знаем, наша молодость прошла,
И наши убеждения – скала.
Не важно, мы внизу иль наверху,
Наш разум твёрд, не превратишь в труху.
Судеб решенья произнесены.
Надежды в жертву им принесены.

Ещё не меркнет белый свет в очах.

А душу раздирает смерти страх.
И, как быстротекущая вода,
В небытие уносят нас года.
Последнюю игру заводит смерч
Мы знаем, чувствуем, о чём заходит речь.

Не поклоняемся царям. И не должны.
Мы пред судом Аллаха все равны.
Пусть дорого нам стойкость обойдётся
Сквозь сеть времён сумеем проскользнуть.
Пока ещё мы держим путь по солнцу
И тащим груз... Дотащим как-нибудь!

А жизнь – волна. Кто оседлал волну,
Тот вверх взлетал и падал в глубину.
И мы идём на дно, и вверх взлетаем.
Но к славе слабость странную питаем.
Причина – в нас самих,
И не при чём злой дух
Отваги в нас – хватило бы на двух.

Души и тела не окончен спор.
Им тесен ограниченный простор.
Меж двух страстей, мы вечно пребываем
Мы в старом панцире. И он – непробиваем.
Но... как терзаемся и к небесам взываем:
Где в этой жизни мы? Вот этого - не знаем.

Между...

Мы – книжных рудников старатели,
Крупиц, обломков собиратели,
Иной истории создатели
Между хулой и похвалой.

Муж, выходящий на ристалище,
Муж, испытанья ожидающий,
Муж, себе имя выбирающий,
Ты или «Трус», иль «Удалой»

Вся наша жизнь проходит в поиске;
Где тут приписки, а где пропуски?
А настоящей правды проблески
Там, между пеплом и золой.

Ручьи в бурлящей сель сливаются,
А с бурным морем сель смиряется...
Так жизнь идёт, так продолжается
Всё между небом и землёй.

Кто умер юным, не состарится.
Кто сделал подлость -не прославится.
Не всё в истории останется
Меж доброй памятью и злой...

Но подтвердит историк знающий:
В цель попадает – в цель стреляющий.
Есть тетива, и есть пока ещё
Связь между луком и стрелой.

Прошлое

Надежды – будущее, прошлое – мечтанья.
Недосыгаемость – в одном, в другом – молчанье.
В одном – успеха ждёшь, удачи, лучшей доли,
В другом – такая бесконечность боли!

Что время в нашей памяти стирает?
И что ещё сотрёт? Бог его знает!
А память – это пыльный манускрипт
С давно забытым перечнем обид.

С кривых ветвей срывает ветер платья,
Земля открыла всем свои объятия.
Смертельной желтизной мой сад покрыт,
Мотив прощальный раны бередит.

Мысль улетает птицей, кто поймает?
Ум обольстит, но сердце не обманет.
Что впереди? Узнаем, кто дождётся...
А сердце с прошлым ни на миг не расстаётся.

Разлука

Прошло былое, миновало...
Ужели правда? Всё пропало?
О том, как сердце бунтовало,
Ни я не рассказал, ни ты...

Как мы сознание теряли,
Очнувшись, снова умирали,
Страсть обуздаем, уверяли,
Ни я не обуздал, ни ты.

Молчали и роняли слёзы,
За осенью зимы угрозы.
А как ударили морозы,
Ни я не замерзал, ни ты.

Разлука нрав имеет твёрдый.
Но кто вмешался? Кто не гордый?
Печалей повалили орды,
Ни я не устоял, ни ты...

Да, мы с судьбой играли в прятки.
Спроси, берёт разлука взятки?
А кони ждали... Без оглядки
Ни я не ускакал, ни ты...

Бесчисленные расставанья,
Немыслимые расстоянья,
Причины противостоянья
Ни я не называл, ни ты.

Мы не становимся моложе.
А если встреча... Это кто же?
Мы на себя-то не похожи,
Ни я бы не узнал, ни ты.

И я – не я, и ты – не ты.

Мак

Словно пламя вдоль дороги
Завораживает мак.
Мятым шёлком недотроги
Настораживает мак.

Божье, дивное создание,
Рок небесный, предсказанье,
Нас лишаящий сознания –
Алый мак, кудесник, маг!

Полевой, лесной и горный,
Пьяный, робкий, яркий, вздорный,
Ликом – красный, сердцем – чёрный
Мак – дурман, недобрый знак.

Воля мака непреложна.
Мак не трогай! Осторожно!
Овладеть им – невозможно!
Это так. И только так.

Удача

Когда тебе удача улыбнётся,
Богатство золотым дождём прольётся,
И вопль счастливый к небесам несётся,
Тогда и мир – хорош! И ты – король!

А если вдруг удача отвернулась,
И твердь от воплей горьких содрогнулась,
И встала смерть в дверях, и... улыбнулась,
Тогда весь мир – ложь, головная боль.

Этот мир – непостижим!

Сколько в мире тайн? Считаем...
Книги умные читаем...
На природу уповаем,
Истиной не дорожим...
Этот мир – непостижим!

Изнутри гниют деревья,
Изнутри морей волнение.
Изнутри грызут сомненья,
В ту ли сторону бежим?..
Этот мир – непостижим!

Правду ищущего – дают,
Правду топчущего – славят.
А невежды – миром правят.
Мы прислуживаем им.
Этот мир – непостижим!

Мир мой, верный мой товарищ!
Ты печаль и радость даришь,
Кто ты, может, сам расскажешь?
Я – тобою одержим.
Этот мир – непостижим!

Горожане из деревни

В города из деревень
Едут все, кому не лень.

Кто учиться, кто лечиться,
Кто работать, кто жениться.
Кто-то едет торговать,
Кто-то едет воровать.
Кто за этим, кто за тем,
Кто неведомо, зачем.

Кто рыдает, кто смеётся,
Кто никак не разберётся
Город старше иль деревня?
Да, деревня, несомненно!
И приводит довод веский
Академик деревенский:
«Город – молод. Мы – издревле...
Горожане – из деревни».

Едут в город поживиться,
Погулять, повеселиться.
Кто-то едет – погостить.
Кто-то едет поселиться.

А кого нужда и голод
Из деревни гонят в город.

Нечем в городе дышать,
А в деревне – благодать!

Горы, озеро, река,
Воздух, травка, а пока...

В города из деревень
Едут все, кому не лень,
Едут город – покорять,
Едут в город – умирать.

Две речки слились

В море две бурные речки
Слились
Видишь – две звёздочки в небе
Зажглись.
Все помирились
И ты помирись!

Только не медли,
Прошу, поскорей!
Сердце –
Багрянцем
Румянца согрей.

Светом очей
Мрак ночей освети.
Смехом –
Пустыню в цветник
Преврати.

Вновь меня, грешного,
Обворожи.
Как сумасшедшего,
Крепче свяжи.

Корни

Когда-то с матерью родной
Я был единым целым
Мы были две души в одной,
Единокровным телом.

Она была мой небосвод,
Моя земля и пища.
Я наливался в ней, как плод,
Сокрытый в корневище.
И разрывать единства связь
Была такая мука!
Родился я... И родилась
Длиною в жизнь разлука.

Я стал отдельным существом,
Беспомощным, плаксивым...
Мне дали имя, дали дом,
Меня назвали сыном.

Благословенным молоком
Меня родившей вскормлен,
Я был пробившимся ростком
И крепко связан с корнем,
Но я был отнят от груди,
И от корней оторван.
Так жизнь сказала мне: иди!
Собрался жить, будь собран!

Менялись жизни берега,
И я, по божьей воле,
Жил, как волна, как облака,
И как былинка в поле.

Но я бросался с головой
В водоворот и омут,
Самостоятельный, живой
Приобретая опыт.

Я с любопытством узнавал,
Что горько, а что сладко.
Как уцелел? Как не пропал?
Отдельная загадка.

Летучим семенем кружась,
Носился я по свету...
И, наконец, укоренясь,
Освоил землю эту.
Которую люблю, любил
Стволом, корнями, кроной...
Где с удивлением раскрыл
И свой цветочек скромный.

А между тем, летят года...
Тоска сжимает сердце.
Вот, я умру, и что тогда?
Куда от правды деться?
Всё засыхало, что цвело.
Всё, что горело, гасло...

И я, вздыхая тяжело,
Сам думаю: "Прекрасно!
Я буду прахом и золой,
Простясь со светом белым...
Но стану с матерью-землёй
Опять единым целым.
Мы будем две души – в одной,
Единокровным телом".

Пока я думал

Мелькают дни, проходит год,
 глядишь – полвека исполняется.

Дом тесен, полон рот хлопот,
 дел положенье не меняется.

О птицах счастья слышал спор,
 сам их не видел до сих пор,

Орёл избрал вершину гор,
 долина – ворону достанется.

Дорога – это спуск, подъём,
 обвал, туманы, бурелом.

Путём начертанным вождём
 идуший, явно заблуждается.

Идею, слово, рифму, слог
 сложить в гармонию не смог,

Цена мала, ценитель строг,
 мерилом торг не измеряется.

Пока я думал, как мне быть,
как тайну сердца приоткрыть,
Друзья успели раструбить,
где неприкрытая валяется...

Любитель чувственных пиров
и с аппетитом, будь здоров,
Не знал я, что душистый плов
прокисшей кашицей окажется.

Кричу: Горю! И жду, пока
водой обрызгают слегка.

Скудна дающего рука,
а сердце в камень превращается.

Красавицы, вам - хорошесть,
а мне и подмигнуть - не сметь!

Бровями двигать – это смерть,
вот, скажете, старик кривляется.

Время

Во времена увлечений,
Всяких преувеличений

Снег падал густо, хлопьями,
Громко калитки хлопали,
Чьи-то сапожки топали,
И чьи-то следы под тополем,
Маленькие, несмелые
Снега заметали белые...

Эти снега не таяли,
Собаки окрестные лаяли,
Злобно, остервенело...
А сердце огнём горело.

В сказочный зимний вечер
Бежишь на свиданье с оглядкой.
А в темноте – встреча
На минутку, украдкой.

Сказочный мир, в котором
Мы так увлечённо спорим,
Мечтаем и планы строим.

Герои чудаковатые...
И белоснежные кони,
И все, как один, крылатые.

Но тают снега, тают...
Туманы мир застилают...
Собаки, и те - не лают.

Притихли нынче собаки,
Ни злобной грызни, ни драки...
Бродяжничают, бедняги.

Время пришло - не злиться,
Пеплу с огнём смириться.
Дыму с огнём смешаться
И ничем не смущаться.

Время – бежит без оглядки,
Зубами хватает за пятки,
Вот, кровожадный хищник.
Время - ещё и сыщик.

Время так повелело –
Сердце моё охладело,
И голова поседела.

Белое и чёрное

Слов толкователи! Собрание учёное!
«Вы разделили мир на белое и чёрное...
Цвет белый – это свет, а чёрный – это мрак.
Цвет белый – это друг, а чёрный – это враг».
А в жизни это далеко не так!

Свет белый – это цвета многоцветье.
Не стоит наделять цвет злом или добром...

Когда вы звёздами любуетесь, заметьте,
Ведь эта красота начертана пером,
Божественным пером - и чьим же? Черной ночи...
А мы символическую зло её порочим...

Любуюсь чёрными бровями девы юной,
Ревнует полумесяц, как безумный.
Из чёрных глаз струится света луч.
Блеск чёрных кос и ослепителен, и жгуч.
И загорается душа, но отчего же?
От чёрных родинок на белоснежной коже.

И вы напрасно чёрный цвет черните,
Цвет белый хвалите, а чёрный цвет – хулите.
Они на свете жить друг другу не мешают
И контрастируя друг друга украшают.

Как хорошо, что...

Я думал, что возьмут своё года,
И я тебя забуду, может статься...
Как хорошо бывает иногда
В своих предположеньях ошибаться!

Как хорошо, что нами занялась
Сама судьба, так рассчитав толково,
Что новой страстью одарила нас,
Дав мне другую, а тебе – другого.

Как хорошо, что птица Гамаюн
Ещё тогда нам на голову села...
Как хорошо, что ни одна из струн
Натянутых тогда, не заржавела.

А время, взяв, что может, про запас,
Нам оставляет то, что было нашим.
Как хорошо, что память есть у нас,
И прошлое связует с настоящим.

Я представлял, как встретимся с тобой,
Как ты обрушишь шквал своих упрёков,
А я, оставив в землю взгляд слепой,
Как ученик, не сделавший уроков,
Не буду знать, куда девать глаза...
И грянет справедливая гроза!

«Ответь мне, где же счастье? Где оно?
И почему оно не может сбыться?
И если счастье нам не суждено,
Зачем нам Гамаюн на голову садится?
Чего мы ждём?
На что ушли года?»

Что мне сказать?
Судьба! Да, так бывает!..
Как хорошо, что сердце никогда
Того, что не сбылось, не забывает!

На свете жить- что проще может быть?!

Когда бы слово данное держали,
Без промаха все цели поражали,
И строили бы, а не разрушали,
На свете жить- что проще может быть?!

И если бы на лжи не наживаться,
Когда ты волк, овцой не наряжаться,
Не льстить, не лебезить, не унижаться,
На свете жить- что проще может быть?!

Не будь на свете пыток, истязаний,
Стихийных бедствий, божьих наказаний,
И в чутком сердце миллион терзаний,
На свете жить- что проще может быть?!

Будь Родина не лозунгом, а делом,
Будь человек разумным, честным, смелым,
Хозяином судьбы своей умелым,
На свете жить- что проще может быть?!

Когда, услышав «твой», «твоя» вам отвечают,
И чувства ветром штормовым крепчают,
И любящих сердец не разлучают,
На свете жить- что проще может быть?!

Но если и любовь не отзовётся,
Сведёт с ума, измучит, надсмеётся,
Люби! И пусть весь мир перевернётся!
На свете жить- что проще может быть?!

Облака детства

В детстве я странно любил облака.
Жизнь облаков, так казалось, легка...
В детстве я страстно любил, глубоко...
Но облака были так далеко.

Ах, облака! Облака величавые!
Мальчика бедного не замечали вы...
Как я любил вас, густеющих, тающих,
Белых, сверкающих, капли роняющих!

Мальчик вдогонку рукою вам машущий,
Вас, небожители, обожевляющий...
Я – на земле. А отсюда, пока
Недосягаемы, Вы, облака!

Время связует высокое с низким.
Сделало время далёкое – близким.
Авиарейсом межконтинентальным,
Сделавшим чудо полёта банальным,
В кресле удобном сидя, лечу...
В иллюминатор смотрю и молчу.

Но почему же трясёт самолёт?
Ясно, проходим облачный фронт...

Вы ли, кудрявые? Вы ль, кучевые?
Вы ли, мои облака кочевые?
Где величавость былая и важность?
Только тяжёлая мутная влажность.
Где ваша лёгкость и недостижимость?
Только закрытость и непроницаемость...
Если вы поле, то поле бесплодное,
Снегом укрытое, поле холодное.
Это на вас я смотрел с восхищением?
Что мне вернёте своим возвращением?
Смутное время нарушенной клятвы?
Дым и туман? Голос детства невнятный?
Прошное в неузнаваемом облике?
Душу обиды, воскресшую в облаке?
Облако детства тенью летящую
Прошлым закрыло моё настоящее.
И зазвенело дрожащей струной,
Жалобно плачущей вместе со мной.
Облако детства, неповторимое!
Ты в небезоблачном детстве – любимое!
Первое чувство, самое сильное,
Пламя любви моей неугасимое!

Желанней жизни

Как можно разум потерять?
С тобой – да за одно мгновение!

Ты так умеешь уверять,
Что явь не явь, а сновидение.

И в суховеи превращать
Обещанное наводнение.

Чтоб исчезать, и улетать –
Тебе не нужно оперение.

В таланте душу вынимать –
И гений не идёт в сравнение...

Но прелести твои вкушать –
Желанней жизни, наслаждение!

Жизненный путь

Жизненный путь –
Это мир сокровенный.
Жизненный путь –
Он история, тайна...
Закономерно или случайно
Жизненный путь –
Это монументально!
Жизненный путь,
Он, конечно, не путь,
Он только жизнь,
И она моментальна.

Жизненный путь
Начинаясь, кончается,
С чьим-то расходится,
Пересекается,
И неожиданно,
Вдруг, обрывается.

Путь то извилист
То прям, то потерян.
То неизведан,
То всеми проверен.
То он тернист,
То усеян цветами...
Ну и так далее,
Знаете сами...

Это, что было
Пространством и временем,
Это, что было
И счастьем, и бременем,
И, к сожалению,
И, тем не менее,
Жизненный путь,
Он, конечно, не путь.
Жизненный путь
Это - только мгновение.

Вот если бы я мог тебя забыть

Я полюбил тебя
В дни юности моей.
Мы вместе прожили
Так много лет и дней.
И вот, случилось!
Ты – переменялась...
Да, ты переменялась,
И нимало!
С каким упорством
Ты со мною воевала!
То с моей тенью,
То с самой собой...

Твоих холодных слов
Бесприигрышный бой
Окончился дешёвенькой
Победой...
Победой, обернувшейся
Бедой!

На спущенной струне
Ни тона нет,
Ни лада...
Я дребезжу.
И мне – тебя не надо.
Ну что?
Отравой ставшая отрада?
В душе, где каждый день
Морозы, снег и град
Нет места для тебя...
Спроси, кто виноват?
А, впрочем, всё равно.
Мы оба здесь – бессильны!
Нет от душевной пустоты
Вакцины!
Не оперируют
Сердечные руины
Заезжие светила медицины!

Сердца разбитые,
Они, как города,
Сожжённые дотла.
Ты понимаешь это?
Здесь люди не живут,
Не слышен детский смех,
Никто не видит
По утрам рассвета.
Не знаю,
Как мне быть?
И что мне говорить,
Тебе, тебе, тебе,
Моей любезной язве...

Вот если бы я мог тебя забыть!
Ну, разве что забыть?
Ну, разве что...
Но, разве?..

Я говорил слова

Я говорил слова,
И верил беззаветно:
Покуда в нас жива
Любовь – она бессмертна!
Никто, имей в виду,
Нас разлучить не в силах.
Зови, и я приду,
Я прилечу на крыльях.
Тебе, Любви, Добру
Протягивая руки,
И если я умру,
Поверь мне – от разлуки.

А жизнь, заговорив,
Всё изменила круто.
И вот уже обрыв
Привычного маршрута.
И вот уже лица
Другое выраженье,
Бессилие бойца
Уйти из окруженья.
Безвыходность, тоска,
Потеря интереса.
Жизнь – тайна, но пока
Не поднята завеса.

И вот уже я – враль,
Чернил слезами брызжу...
И тот заветный рай
Я больше не увижу.
И ты имей в виду,
Сегодня ошибёшься.
Зови, я не приду,
Зови, не дозовёшься.

Но я не знал, увы,
Что жизни смысл теряют,
Что и слова любви
Когда-то умирают,
Что даже мой кумир
Житейским служит нуждам.
И столь знакомый мир
Окажется столь чуждым.

Места свиданий

Ночи прохладные,
Славно гуляется...
Нам только улицы
Предоставляются.

Выслушай грешного,
Сделай мне милость,
Нет больше прежнего,
Всё изменилось.

Всё, подчистую,
Ни улиц, ни зданий...
Не существует
Места свиданий.

Всё уничтожено,
И, тем не менее,
Встретиться можем мы,
Но в сновидении.

Ночи прохладные
Не забываются.
Есть ещё небо,
Где души встречаются.

Жаль, ты об этом
Не слышала даже.
Но до рассвета
Ночь эта – наша.

Ландыш

Красота!
Ну что тут скажешь!
Почему ж со мной
Не ладишь?
За другого
Выйти замуж
Не позволю,
Не отдам!

Не кокетничай
С другими!
С небесами голубыми,
Не отдам
И небесам.

Я хочу твоих объятий,
Аромата, благодати,
И всего добиться сам...

Ты волнуешь,
Опьяняешь,
Почему ж со мной
Не ладишь?
Ну, кивни головкой,
Ландыш!
Как я ошибся!

На том углу, где ты жила, я поселился.
Как ты пришла, как ты ушла, смотрел, молился
Что я влюблен, ты поняла, но как влюбился!
Стоял, надеясь, «подойди» услышу, злился.
Поцеловать, как в рай попасть,
душой стремился...
Как я горел, как я пылал, как горячился!

Что за охотник без копья? Кому я нужен?
Постой, кричал, сам ранен я, но безоружен.
Не знаю сам, как заплутал, как заблудился!
Но я не тень твоя, живой и не бездушен.
Как океан, гневлив, бурлив и непослушен.
О берег бился головой, но как я бился!

Любить, позвольте вам сказать, это - работа.
Служить, высматривать и ждать,
до слёз, до пота.
Ушибся я, сбежав домой, но как ушибся!
И на коленях умолял сказать хоть что-то...
И от разлуки превратился в рифмоплёта.
И я ошибся, боже мой! Как я ошибся!

В иллюзорном мире

Поскольку на земле я правды не добился,
Я в иллюзорном мире поселился.
Отрёкся навсегда от ненависти, зла...
И в небеса на крыльях устремился.
Я в иллюзорном мире поселился.

Вдоль горизонта облако влачится.
А позади – густой туман клубится.
Я между небом и землёй лечу...
Звезда спешит за пеленой укрыться,
А позади – густой туман клубится.

Но я своей бесценной - обесценен,
И здесь мой путь цветами не усеян.
И путь всё тот же, как и на земле...
Конь пал, потерян хлыст, я жалок и растерян.
И здесь мой путь цветами не усеян.

Озноб

Озноб. Меня трясёт, я мёрзну, я «готов»!
Я оказался между двух миров.
В больном бреду плету венки из слов,
Что сложится, не сложится, не знаю...

Меж небом и землёю громкий спор,
Уже несут на подпись приговор,
И скоро с Азраилом разговор,
Но чем всё это кончится, не знаю...

Диалог

- Я болен, я измучен, я влюблён ...
- Таких больных, мой милый, легион!
- Ты что, не слышишь, как мне тяжело?
- Смотри-ка, все дороги замело!

- Давай устроим с музыкою праздник!..
- Опять напиться хочешь, безобразник?
- Впусти меня в свой сад, я – неплохой садовник!
- Исколет лилии колючий твой терновник.

- В глазах твоих, я вижу, чертенята...
- О, да! Связалась с чёртом я когда-то.
- Приказывай! Я весь к твоим услугам!
- Слугой не притворяйся! Будь мне другом!

- О Господи! Молю! Всемилостивый Боже!..
- Ты что, купил чалму, святоша? Непохоже!
- Ну, пожалей, живое зреет зря...
- Незрелый плод, короче говоря...

- Губ не сжимай! Позволь, чтоб я проник...
- Ты поцелуями мне ободрал язык!
- Ну что? Попалась лань в мои силки?
- Прочь! От твоих объятий – синяки.

- Когда тыходишь, дух мой отлетает...
- Люблю смотреть на снег, когда он тает...
- Без ласки тело гибнет вообще!..
- Вот-вот! Пора подумать о душе!

Любовь садовника

(шутка)

Мне – тебя, тебя – мне надо!
Я желтею, я – айва!..
Сохну гроздью винограда,
Где вы, сочные слова?!

Персик с кожицей атласной,
Твои родинки – кишмиш!
Вот счастливчик тот несчастный,
На кого ты поглядишь!

Нос – огурчик... Ой, красивый!
Любовался бы, не ел...
Если б в гости пригласила –
Прибежал бы, прилетел.

Абрикос – твой нежный ротик,
Щёки – яблок алый цвет.
Язычок твой – дынный ломтик,
Дынный, длинный, слаще нет!

А глаза?! Орех миндальный
С земляникою внутри...
В ближней стороне и дальней
Равной нет тебе, смотри!

В мире нет призывней взгляда,
И не будет, чтоб я сдох!..
Если только это правда,
Не уловка, не подвох.

Ты гранат, ты плод из рая,
Не запретный, но заметь:
Ты же – тыква наливная,
А кто я? От тыквы плеть.

На глаза моей хорошей
Ни за что не покажусь!
По земле ползу, иссохший,
Скромно следом волочусь...

Девушка и ветер

Как ветер девушку ласкал!
На миг её не отпускал.
Как парус блузку раздувал,
Взасос целуя, раздевал.
И кверху юбку задирал.
И пел, и выл от счастья сам –
На зависть вечным небесам.

А девушка была мила,
И отбивалась, как могла;
-Ах, ветер, ветренник, наглец.
В волнах волос лихой пловец,
Ты блузку с плеч моих сорвал!
Ну что ты делаешь, нахал?!

Но чем на ласку возразишь?
Чем натиск страсти отразишь?
Что может нежный лепесток
Когда несёт его поток?

Быть может, есть такая страсть?
Есть упоительная власть
Любви, какой не возразишь,
Перед какой не устоишь,
А запоёшь и взвоешь сам –
На зависть вечным небесам.

Я просто очень вас люблю

(Романс)

Люблю всё больше, всё нежней, сильнее и проще...
И не свищу, как соловей в зелёной роще,
Люблю, как любит землю дождь, как ливень-реку,
Простой любовью человека к человеку,
Обыкновенной и особенного свойства,
Я просто очень вас люблю,
Всё очень просто.

Поэт без имени, а песни без названий,
Я не соперник, не участник состязаний,
Я несказанно вас люблю, и без сказаний,
Пока живой не возвращается с погоста,
Я просто очень вас люблю.
Всё очень просто.

Да, я Меджнун, но не в пустыне же селиться,
И, как дикарь, один с джейранами резвится,
И, грезя, надо зарабатывать и мыться,
Чтоб не колтун на голове и не короста,
Я просто очень вас люблю,
Всё очень просто.

Я не Фархад, и реки вспять не обращаю,
Я не Вагиф, и сразу всех не обольщаю,
Я вам сокровища дарить не обещаю,
Царям – богатством прикрывать своё уродство,
Я просто очень вас люблю,
Всё очень просто.

Я не рождён для страсти пламенной и краткой,
И не для ревности слепой, любви с оглядкой,
Но чтоб любовь не стала тайной и загадкой,
Я обойдусь без театрального помоста,
Я просто очень вас люблю,
Всё очень просто.

Я не герой, не Кероглы, я не сражаюсь,
Я на девичник за невестой не врываюсь,
Ни с кем из гениев любви я не тягаюсь,
Не богатырь, не выдающегося роста,
Я просто очень вас люблю,
Всё очень просто.

Люблю всё больше, всё нежней, сильнее и проще...
И не свищу, как соловей в зелёной роще,
Люблю, как любит землю дождь, как ливень-реку,
Простой любовью человека к человеку,
Но эту песню петь могу и дни, и ночи,
Я просто очень вас люблю,
Ну, просто очень!

Ты помнишь?

Ты помнишь, как же волновалась,
Душа на первый взгляд, привет?
Был некий мальчик... Что с ним случилось,
Мечтателем от ранних лет?

А помнишь, как ручей в овраге
Водою мутною плескал,
Где некий мальчик из бумаги
Весной кораблики пускал?

А помнишь, ствол карагача
Бумажный флот в плену держал,
И некий мальчик, чуть не плача,
Высоким берегом бежал?

А помнишь, там была девчонка,
Ещё цветок, сказал бы я.
И некий мальчик звонко-звонко
Ей пел, не хуже соловья?

А помнишь, как кораблик утлый
Уплыл... И сколько было слёз?
А мальчик вдруг исчез, как будто
Ручей его с водой унёс?

Но помнишь, как ручей в овраге
Пересыхая, замолкал?..
А некий мальчик из бумаги
Там самолётик запускал?

Ты помнишь, как он кувыркался,
Парил, взлетал и вниз нырял?..
А мальчик, вроде, улыбался,
А в самом деле - умирал.

Ты – слишком далеко

Соперник всюду: человек в толпе,
Он - дерево, гора, он – всё, что окружает...
В густом лесу, на узенькой тропе
Тебя соперник странный поджидает.

Змея ль через тропу переползёт,
Коряга ль под ногу случайно попадёт,
Споткнёшься или сердце, вдруг, замрёт.
Так всех тоска моя преображает.

А ты – в горах, в лесах, ты – высоко...
Увы, увы, ты – слишком далеко...
Ты думаешь, несчастному легко
Стоять и ждать тебя?.. Но ждёт и обожает.

Между нами охлажденье

Между нами охлажденье,
Между нами лёд... снега...
Дорогая – в убежденье –
Мне другая дорога

Знаешь, парень я горячий,
Я снега- то растоплю.
Словом, так или иначе,
Холодам не уступлю.

Лёд растает, растечётся,
Испарится, как-нибудь...
Там, глядишь, весна начнётся
И к тебе откроет путь.

А весной пойдут цветочки,
Я сплету тебе венок.
И теплее станут ночки,
И наступит мой денёк!

Мечта

В мечтах о новой страсти, увлеченьи,
Я сам пришёл к такому заключенью:

Знать не хочу, что пережить придётся?
И, может быть, мне счастье улыбнётся?

Пусть, это сны душевной пустоты...
Но что на свете сладостней мечты?

Прекрасно

Ручей рекою хочет стать,
журчит, лепечет
Так тихо... Можно угадать,
кто в роще шепчет...
Всё – чудо! Не пересказать!.
Душа щебечет.
Прекрасно - просто помолчать
и петь – прекрасно!

А как прекрасно, иногда,
лицо без маски!
Лицо – белее полотна,
чернее ряски...
Есть краски боли и стыда,
печали краски,
Краснеть – прекрасно, господа!
Бледнеть – прекрасно!

Вдали от пыли городской
и грязи сельской,
Вдали от зависти людской,
молвы соседской,
Гулять вдвоём, рука с рукой,
с улыбкой детской...
Прекрасно – вместе молодеть,
стареть –прекрасно!

Когда колотятся сердца, пылают лица,
И два дыхания в одно готовы слиться,
Глаза зовут, а губы ждут, чтоб в губы впитаться,
Прекрасно - и дотла сгореть, и тлеть –
прекрасно!

Когда от тягости любимая вздыхает,
Сады цветут, и всё благоухает,
Плод наливается, плеть дыни иссыхает,
Прекрасен - плод, сухая плеть –
прекрасна!

И если ласковая прежде – не ласкает,
А уговоры мимо уха пропускает,
А у тебя терпенье иссякает,
Прекрасно – пошутить и потерпеть –
прекрасно!

И если кто-то стал любви изгоем,
И собственную смерть зовёт покоем,
Ему, неисцелимому, откроем:
Прекрасно - жить и умереть –
прекрасно!

Если б я был пуговкой твоей

О, если б я был пуговкой твоей,
Той, на груди, где узкий вырез платья...
Я стал бы строгим стражем у дверей,
И не пускал других в твои объятия.
Цеплял волос беснующихся прядь,
Так крепко, что пришлось бы выдирать.

О, если б я был пуговкой одной,
Той, перламутровой, на летнем сарафане,
То я бы ночью маленькой луной
Светился в опьяняющем дурмане,
Свет отражал бы в солнечные дни
И сам сгорал, чтоб ты была в тени.

Он, твой любимый, молод был...

Он, твой любимый, молод был...
Копна волос иссиня-чёрных.
Ты – хороша была, он – мил...
Ура невинности влюблённых!

Каким же ярким и цветным
Нам этот серый мир казался!
Любимый твой был молодым,
И вечер в утро превращался.

Но он открыться не спешил...
И, хоть убей, не мог признаться.
Он, твой любимый, молод был,
На многое смотрел сквозь пальцы.

За что же теперь меня любить?
За эти серые седины?..
А их ничем не растопить,
Они не тающие льдины.

И если так уж не хорош,
И так не мил когда-то милый,
И без него ты проживёшь,
Живи! А сможешь – будь счастливой.

Любовь – то с чувствами сражение,
То чувствам рабское служение.
И ты любила не меня,
Плод своего воображения.

На море птица

Стамбул. Босфор. Плохой прогноз...
Волна мятежная клубится...
Постой-ка, погоди, матрос!
Там, в море, видишь, гибнет птица!

У птицы сломано крыло.
Ни крика жалобы, ни звука...
Но видно, как ей тяжело...
В глазах – такая боль и мука!

Восстала синяя волна
И птицу унесло теченьем...
Остались горечь, боль, вина,
Навеки став моим мученьем.

Блаженство

Я с виду холоден и строг,
но скрытней не было создания.
В душе – я бешеный ездок,
мой конь не знает обуздания.

И вот вскипает в жилах кровь,
дрожит насуспенная бровь,
О, ненасытная любовь,
невыносимые страдания!..

Вот, где я первый в стае птиц,
не соблюдающий границ,
Вожак счастливых верениц,
я прилечу без опоздания.

Не заставай меня врасплох,
когда сдержать не в силах вздох,
И забываю, кто мой Бог,
какого я исповедания...

Когда бы не жестокий рок,
я миром завладеть бы мог,
Мои – и Запад, и Восток,

Китай, Египет, Иордания...

Твоих одежд скользящий шёлк
 привёл меня в такой восторг,
Роскошная, я изнемог,
 я – в обмороке ожидания.

Но если скажешь: «Милый мой!
 Иди ко мне!» - Я здесь, я – твой!
Одежды, пояс, всё - долой!
 Узнай блаженство обладания!

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

Я привыкал к векам и каждой смене лет,
Я видел даже то, чего на свете нет*
Но тем, кого любил, остался сердцем верен,
И видел каждый шрам на сердце, каждый след.

* В оригинале: "Я видел – целовались тьма и свет"

А след в душе не зарастает, не стирается...
Звучит мелодия любви, но обрывается.
Пытается поэт, художник, музыкант
Недостижимого достичь – не получается...

Хвала, ты говоришь, сегодня входит в моду...
Льстить сильным, умолять, поклоны бить в угоду –
О, в этом ремесле мы сами мастера,
И сами сделали своим искусством оду!

Начало было, - говоришь, - ну что ж, отлично!
Скажи, сознание или материя первична?
Как нашим ограниченным умом
Постичь вечность – что безначальна, безгранична?

Порой мне целый мир не кажется просторным,
Реальным – горе, счастье – иллюзорным.
Мужчине плакать – стыдно! Но порой,
Не плакать – кажется бесчувствием позорным!

На что же я потратил столько сил?
Зачем я на дорогах грязь месил?
Я не ищу ответов на вопросы,
Я, просто так, подумал и спросил.

Нет равенства. Не знаю о таком.
Кто на коне гарцует, кто пешком.
А кто идти не может, этих топчут
Одни – копытами, другие – башмаком.

Ни прочности ни в чём, ни постоянства!
Туман надежд на равенство и братство...
Ни времени, ни места встать, понять...
А время движется, меняется пространство.

Не видишь сути, не суди другого.
Бежишь от тьмы ночной и светоча дневного,
Кричишь о справедливости, а сам
Не можешь отличить кривое от прямого.

Жизнь! Каждым твоим днём, минутой дорожу...
Однажды руль в руках не удержу, -
И рухнет власть презренной брэнной плоти,
Надеюсь, в Царство Духа ухожу...

Я шёл к своим, но не было своих...
И Муза плакала и выла за двоих...
Боясь гармонию рассудочностью мерить,
Я прятал ото всех неизречённый стих.

Уходит караван, в дорогу проводи,
Обидели тебя, обидчиков прости.
Но сколько можно нежностью баюкать?
Играй, певец, играй! Буди меня, буди!

Творенье грешника – творение Творца.

Сын повторяет мать, дочь – своего отца.

Позвольте вас спросить, зачем нам столько копий?

Зачем меняем оболочки бесконца?

Попробуй, этот мир измерь, попробуй, взвесь!
Вот если бы Любовь мир захватила весь,
Любовь была б мерилom жизни, смерти,
И счастливы мы были там и здесь.

Законник, грамотей, творец и разрушитель,
Я - суфий, я – дервиш, безумный я сказитель.
Меня поэтом делает любовь,
А не любовь к стихам, в любви я – небожитель.